

М.Н. Величенко, А.Н. Чистиков

Дворец великого князя Владимира Александровича и его обитатели в годы Первой мировой войны и революции

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война резко изменила жизнь обитателей дворца. Правда, в его главном корпусе изменения были не столь заметны, зато в бывшей запасной половине появились новые лица и новые вещи. На первом этаже поперечного корпуса по инициативе великой княгини уже осенью 1914 г. разместился склад Комитета великой княгини Марии Павловны.

Часть обслуживающего персонала дворца была призвана в действующую армию. К весне 1917 г. таковых насчитывалось свыше 30 человек: лакей и конюхи, шоферы, сторожа охоты, водопроводчик, кочегар и т.п.¹ Немцы, составлявшие часть obsługi, перешли в русское подданство, но за ними, тем не менее, был установлен надзор². В армию отправились и сыновья великой княгини. Борис Владимирович в 1914–1915 гг. командовал лейб-гвардии атаманским наследника цесаревича полком, а с 1915 г. стал атаманом всех казачьих войск при верховном главнокомандующем³. Его брат Андрей в мае 1915 г. был назначен командующим лейб-гвардии конной артиллерией⁴. Великий князь Кирилл уже с 3 августа 1914 г. находился в штабе Верховного Главнокомандующего. Произведенный в следующем году в контр-адмиралы, он вскоре принял командование морским гвардейским экипажем⁵.

Не осталась в стороне и великая княгиня. Опыт, полученный ею во время Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн, пригодился и в Первую мировую. Сразу после начала войны император Николай II назначил Марию Павловну главой Комитета по снабжению вольной одеждой увольняемых на родину больных и раненых воинов.

В состав комитета вошли представители ряда министерств и общественных организаций. Средства поступали из военного округа, но

помощью частных лиц и общественных организаций члены комитета тоже не гнушались. Более того, они на нее надеялись и с этой целью пропагандировали свою работу. Комитет имел несколько складов в Петрограде и Москве. В столице, помимо склада во дворце, был еще склад на Новгородской улице. Огромные залы двух этажей четырехэтажного здания были завалены горами сапог, белья, пальто, полушубками. На четвертом этаже демобилизованным и отпускникам выдавались пособия в размере от 3 до 15 руб., причем нередко деньги выделялись из личных средств великой княгини⁶.

Летом 1915 г. Мария Павловна обратилась к императрице с просьбой принять комитет под покровительство Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, и семей раненых и павших воинов⁷. Видимо, подобная централизация должна была обеспечить лучшую координацию в работе благотворительных организаций. Насколько эти ожидания оправдались и оправдались ли вообще — сказать трудно. Деятельность Верховного совета нуждается в более тщательном изучении, тем более что иные современники весьма критически относились к этой организации. В частности, председатель II Государственной Думы М.В. Родзянко позднее писал: «Заседания носили чисто формальный характер, всех тяготили, а присутствие императрицы производило леденящее впечатление»⁸.

Кроме комитета Мария Павловна возглавляла и военно-санитарную организацию, которая носила ее имя. Положение и устав организации были утверждены не ранее лета 1916 г., но деятельность ее началась двумя годами раньше⁹.

Организация включала в себя санитарный поезд, лазареты, несколько отрядов «Первой помощи под огнем врага», питательные пункты¹⁰. Можно обрисовать примерную схему ее деятельности: военно-санитарный поезд прибывал из глубокого тыла в армейский тыл, куда с фронтовых позиций передвижные лазареты, отряды «Первой помощи» доставляли раненых. Обратный путь поезда лежал в города, где были лазареты организации: в Петроград, Москву, Челябинск.

Нередко прибывавших в столицу раненых встречала на вокзале великая княгиня. Об этих встречах упоминается в прессе, а также в дневнике городского головы И.И. Толстого. 22 августа 1914 г. граф И.И. Толстой записал: «К 10½ прибыл поезд вел. кн. Марии Павловны с ранеными. Приехали встречать сама великая княгиня с вел. кн. Викторией Федоровной со своими придворными дамами и кавалерами»¹¹. Виктория Федоровна, супруга Кирилла, принимала активное участие в деятельности санитарных отрядов и за самоотверженную работу на передовых позициях была награждена тремя георгиевскими медалями.

В эти годы Марию Павловну можно было встретить не только на перроне вокзала, но и в многочисленных лазаретах, разместившихся в столице. Упомянем лишь о некоторых из них: лазарет наследников Сусловых, эвакуационный и питательный пункт для раненых на Варшавском вокзале, бараки для раненых в Сосновке, японский лазарет графини Клейнмихель, англо-русский госпиталь имени королевы Великобритании Александры...

Были в этом списке и «свои» больничные учреждения, которым великая княгиня уделяла не меньшее внимание. Под ее покровительством находились столичные лазареты на Английском пр., Разъезжей, Лицейской ул., наб. р. Мойки, в Красном Селе и некоторые другие. Ее имя носило несколько городских лазаретов и госпиталей, а также военно-санитарный поезд № 63 Императорского Российского пожарного общества. В апреле 1915 г., когда отмечалась полугодовая деятельность этого поезда, корреспонденты петроградских газет писали, что поезд перевез около 10 тыс. раненых, пройдя по дорогам страны свыше 35 тыс. верст. В составе поезда к тому времени насчитывалось 17 пульмановских вагонов, включая 3 вагона для тяжелораненых, 4 перевозочных и 2 кухни¹². На этом же поезде Мария Павловна в мае 1916 г. посетила передовые позиции русской армии, где вручила подарки солдатам и офицерам¹³.

Необходимо упомянуть еще об одной стороне деятельности великой княгини в эти годы — о ее участии в делах, связанных с военнопленными. Немка по происхождению, Мария Павловна на протяжении всей жизни сохраняла контакты со своими родственниками, многими высокими особами и известными деятелями Германии. В то же время ее положение в царской России и участие в благотворительных организациях позволяли ей заниматься проблемами военнопленных на достаточно высоком уровне. Мария Павловна подключила к розыску военнопленных Международный Красный Крест, вела переговоры через своих немецких родственников об улучшении условий содержания русских пленных, содействовала организации братских кладбищ¹⁴. В Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Марии Павловны, сохранилось более двух десятков дел, содержащих как официальные документы, так и частные обращения по этому вопросу¹⁵.

По делам Верховного совета, по вопросу об обмене военнопленными великой княгине приходилось не раз письменно общаться с императрицей. Известно, что отношения между ними до войны были чрезвычайно напряженными. Казалось, общая беда способствовала некоторому сближению. В начале сентября 1915 г. Александра Федоровна побывала у Марии Павловны в Царскосельском дворце. Необычность этого по-

сещения отметил в дневнике Андрей Владимирович. «За двадцать лет это первый раз, что Аликс без Ники приезжает к мамá», — записал он. И далее: «Мама несколько раз повторяла, что Аликс произвела на нее глубокое впечатление»¹⁶. Это было в 1915 г.

В следующем году отношения вновь ухудшились, а к концу того же года в столице уже открыто говорили о великокняжеской фронде, в которой Мария Павловна играла не последнюю роль. Спасая монархию, группа великих князей предприняла несколько попыток убедить Николая II пойти на осуществление частичных реформ, а также стремилась ослабить влияние на императора со стороны Александры Федоровны и Распутина. В этих встречах участвовали и Мария Павловна, Кирилл Владимирович и Виктория Федоровна¹⁷. Царь на уступки не пошел.

Тогда группа заговорщиков решила избавиться от Распутина, и в ночь на 17 декабря 1916 г. в подвале дома князя Ф.Ф. Юсупова «старец» был убит. Имена убийц стали известны почти сразу. Двое из них — Ф.Ф. Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович — были взяты под домашний арест 29 декабря. Историки Ю. Буранов и В. Хрусталева в книге «Гибель императорского дома 1917–1919 гг.» утверждают, но без ссылки на источник, что это событие произошло во дворце Марии Павловны¹⁸. Источник, сообщающий о другом событии, также связанном с этим дворцом и с последствиями убийства Распутина, известен давно — это воспоминания французского посла в России М. Палеолога. Но прежде чем обратиться к ним, напомним, что по распоряжению императора Дмитрий Павлович был направлен на персидский фронт. Такое наказание показалось членам императорского семейства очень строгим, и они обратились к Николаю II с письмом о смягчении приговора.

М. Палеолог в воспоминаниях, оформленных в виде дневника, под 11 января 1917 г. (или 29 декабря 1916 г. по ст. ст.) весьма красочно описывает свой визит во дворец Марии Павловны. Приведем лишь небольшой отрывок из этой записи: «Добравшись до верхней площадки (главной лестницы. — *М.В., А.Ч.*), я вижу через широко открытую дверь салона великолепную декорацию Невы, Петропавловский собор, бастионы крепости, государственную тюрьму. В амбразуре окна прелестная m-lle Олив, фрейлина великой княгини, сидит, глубоко задумавшись, лицом к крепости; она не слышит моего прихода.

Я прерываю ее задумчивость:

— *Mademoiselle*, я только что узнал если не ваши мысли, то, по крайней мере, направление ваших мыслей. Мне кажется, вы очень внимательно смотрите на тюрьму.

— Да, я смотрю на тюрьму. И в такое время нельзя удержаться, чтоб не смотреть на нее».

Интрига, заключенная в этом диалоге, дополняется упоминанием о неких полковниках, встреченных Палеологом при входе, о Марии Павловне, бледной и похудевшей, вышедшей к послу с опозданием, о прибывшем во дворец великом князе Николае Михайловиче, «лицо <...> (которого) красно, глаза серьезны и пылают, корпус выпрямлен, грудь выпячивается вперед, поза воинственная». И лишь в конце аудиенции великая княгиня объясняет послу, что «вся императорская фамилия собралась в соседнем салоне и ждет только ее, чтоб приступить к совещанию» и выработать текст коллективного обращения к императору¹⁹.

Текст этого обращения или письма современные исследователи обычно не приводят, поэтому нелишне его процитировать: *«Ваше величество. Мы все, чьи подписи вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы Дмитрия Павловича. Мы знаем, что он болен физически и глубоко потрясен и угнетен нравственно. Вы, бывши его опекуном и верховным попечителем, знаете, какую глубокою любовью было всегда полно его сердце к Вам и к нашей родине. Мы умоляем Ваше Величество, в виду молодости и действительной слабости здоровья Великого Князя, разрешить ему пребывание или в “Усове” (имение Великого Князя) или в “Виленском”.*

Вашему Величеству должно быть известно, в каких тяжких условиях находятся наши войска в Персии, в виду отсутствия жилищ, эпидемий и т.д. Пребывание там для Великого Князя будет равносильно его полной гибели, и сердце Вашего Величества примется жалостью к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас и для которого Вы всегда были добрым отцом.

Да внушит Господь Бог Вашему Величеству переменить Ваше решение и переложить гнев на милость».

Письмо подписали 16 человек: королева эллинов Ольга Константиновна, Мария Павловна и ее сыновья Кирилл, Борис и Андрей, Виктория Федоровна, Павел Александрович и Мария Павловна-младшая, Елизавета Маврикиевна, Гавриил, Константин, Георгий и Иоанн Константиновичи, Елена, жена Иоанна Константиновича, Николай и Сергей Михайловичи²⁰. Все ли они присутствовали на этом совещании во дворце или некоторые подписывали письмо в другом месте — сказать трудно. Как известно, в просьбе семейству Николай II отказал, наложив на письмо резолюцию: *«Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне. Николай»*²¹.

Отношения между императрицей и Марией Павловной к тому времени фактически прекратились. Теперь уже, если верить мемуаристам, Александра Федоровна не вызывала у Марии Павловны никаких эмоций, кроме отрицательных. М. Палеолог приводит слова великой княгини об императрице: «Кроме той, от которой все зло, никто не имеет влияния на императора»²². Председатель Государственной Думы Родзянко так вспоминает о встрече с Марией Павловной в ее дворце, состоявшейся, видимо, в начале 1917 г.: «Великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннем положении, о бездарности правительства, о Протопопове и об императрице. При упоминании ее имени она стала более волноваться, находила вредным ее влияние и вмешательство во все дела, говорила, что она губит страну <...>, что надо изменить, устранить, уничтожить...». Родзянко, пожелавший уточнить, что именно надо уничтожить, услышал в ответ: «Императрицу»²³. Конечно, к таким словам надо относиться осторожно. Возможно, Родзянко произвольно (или непроизвольно) вложил в уста Марии Павловны более сильные термины. Но одно не подлежит сомнению — отрицательное отношение Марии Павловны к императрице, которое сохранилось и после февраля 1917 г. В доказательство приведем цитату из письма великой княгини к Борису Владимировичу от 12 марта 1917 г.: «Арест Ники так печален <...> За всю катастрофу он должен благодарить Алис»²⁴.

Пока в гостиных дворца кипели политические страсти, двор Марии Павловны, располагавшийся на Миллионной ул., 27, продолжал вести обычный образ жизни. Для нужд обитателей особняка по-прежнему пудами, ящиками и мешками закупались мясо и масло, коньяк и шампанское, макаронны и сахар. Правда, начались перебои с топливом, запасы которого во дворце были невелики²⁵.

Великая княгиня в середине января 1917 г. отбыла в Минск, и караул во дворце был снят на время ее отъезда²⁶. В Петроград Мария Павловна вернулась 22 января²⁷. А 19 февраля, посетив усыпальницу Петропавловского собора, где были похоронены ее супруг и первенец, она уехала в Кисловодск²⁸. Как оказалось впоследствии, в Петроград ей уже не суждено было возвратиться.

2 марта Николай II отрекся от престола. Закончилась эра монархии в России. Начало новой эпохи — во всяком случае для дворца — оказалось необычным. 3 марта 1917 г. Временный комитет Государственной Думы направил в особняк Марии Павловны прапорщика Пинского для уничтожения имеющегося здесь винного погреба. Прапорщик с заданием справился. Ни одной бутылки (а вина здесь было не менее чем на полмиллиона рублей) никому унести не удалось²⁹.

Пустующие помещения дворца, точнее — его запасной половины, привлекали внимание многочисленных организаций, появившихся в годы войны. В апреле 1917 г. здесь поселился Комитет по разборке корреспонденции военнопленных, входивший в состав Центрального комитета по делам военнопленных РОКК. А через полмесяца и сам Центральный комитет перебрался во дворец³⁰. Согласие на его переезд дал Кирилл Владимирович, назначенный Марией Павловной с июня 1917 г. владельцем дворца. «Не имея возможности лично руководить делами Моего двора и конторы, <...> я нахожу необходимым поручить высшее наблюдение над ним сыну моему Великому Князю Кириллу Владимировичу...», — писала из Кисловодска великая княгиня князю М.М. Голицыну, исполнявшему обязанности заведующего двором Марии Павловны³¹.

В начале июня часть комнат занял эвакуационный отдел Главного управления Генерального штаба³². Тогда же от Совета складов РОКК поступила настоятельная просьба отдать 3–4 комнаты в пользование Комитету по приему пожертвований и заготовке белья или, как иногда его именовали в документах, Комитету Красного Креста. Согласие конторы двора было получено. И вскоре в трех комнатах разместились председатель, канцелярия и швейная мастерская комитета, а на III этаже — его временный склад. Третий этаж для склада — место не совсем удобное, поэтому в августе комитет обратился к управляющему двором А.А. Савурскому с просьбой отвести под склад комнату на I этаже дворца, где хранилось белье, принадлежавшее военно-санитарной организации Марии Павловны³³. По сведениям Комитета Красного Креста, организация, которая находилась в стадии ликвидации, должна была в скором времени освободить это помещение.

Склад Красного Креста расположился на первом этаже запасной половины ненадолго. В середине сентября 1917 г. он собрался выезжать из дворца, а на освобождавшиеся помещения претендовала Постоянная комиссия для испытания и приемки самолетов, воздушных кораблей и автомобилей Морского ведомства. Она с 20-х чисел августа размещалась в бывших покоях Бориса Владимировича³⁴.

Завершая список организаций, которые помещались во дворце Марии Павловны в 1917 г., стоит упомянуть еще об одной — это Адмиралтейский районный совет рабочих и солдатских депутатов. Время его появления во дворце пока не удалось установить, но в конце ноября совет уже работал здесь. Судя по документам, он покинул особняк в конце 1917 г.³⁵

Привычная жизнь во дворце была нарушена. С июля 1917 г. в нем перестали заводить часы, с августа прекратилась служба в дворцовой церкви³⁶. Контора двора еще существовала, но теперь она просила не

пива или мороженых судаков, а несколько вагонов дров для отопления и бочку керосина для освещения³⁷. Еще раньше, в начале мая, Кирилл Владимирович распорядился возобновить выдачу жалования служащим, призванным на военную службу, и восстановить выдачу некоторых медикаментов за счет конторы двора. Свои действия он объяснял просто: «Дороговизна жизни, с каждым днем возрастающая, естественно требует некоторых мер для облегчения жизненных условий служителей двора великой княгини...»³⁸.

В ночь с 15 на 16 марта 1918 г. загорелась венецианская гостиная на половине Кирилла Владимировича. При пожаре выгорели полы, были испорчены и закопчены стены, потолок и меблировка. Особенно пострадало зеркало в венецианской раме³⁹.

Однако в основном интерьер дворца, прежде всего его части, выходящей на Дворцовую набережную, не подвергся в это время никаким переделкам. Видимо, на месте осталось и большинство вещей. Известно лишь, что Адмиралтейский совет реквизирует пишущую машинку, ротатор, телефонный аппарат и 3 мягких дивана, но вывезли ли их из дворца после переезда Совета — не совсем понятно. Зато драгоценности, спрятанные Марией Павловной в своей опочивальне, были тайно вывезены курьером Министерства иностранных дел Великобритании другом Марии Павловны А. Стопфордом. Драгоценности были положены в Лондоне в банковский сейф на имя великой княгини, а деньги Стопфорд сумел переправить Марии Павловне, бывшей в то время в Ялте⁴⁰.

Дальнейшая судьба дворца изучена недостаточно хорошо. Известно лишь, что в 1918 г. дворцовая церковь была закрыта. В 1918–1919 гг. во дворце располагалось Петроградское отделение театрального отдела Наркомпроса и его различные секции: репертуарная, историческая группа школьного театра, а также краткосрочные курсы по руководству детскими представлениями и празднествами и Институт оперного хора, подчиненные Наркомпросу⁴¹. В 1919 г., после того как театральный отдел покинул дворец, в его парадных комнатах разместилась библиотека издательства «Всемирная литература», основанного М. Горьким. По поручению Горького специальная комиссия начала описывать имущество дворца. Об этом упоминается в воспоминаниях букиниста Ф.Г. Шилова⁴². Но из мемуаров неясно, была ли эта работа завершена. Опись, подготовленная комиссией, пока не найдена.

В годы Гражданской войны дворец не подвергся разграблению, но все же лишился части вещей. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга имеется записка Горького, из которой явствует, что

в мае 1919 г. из дворца были вывезены сундуки с платьями, мехами и бельем. К записке приложен список вывезенных вещей⁴³. Возможно, это не единственный подобный случай, но история дворца в эти годы, повторимся, требует дальнейшего изучения. Впрочем, ждет своего исследователя и новая эпоха жизни бывшего великокняжеского дворца, которая началась в январе 1920 г., когда здесь был организован первый в стране Дом ученых.

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 528. Оп. 1. Д. 1927. Л. 25–30.

² Там же. Л. 1760.

³ *Алексеева И.* Мириэль Бьюкенен: Свидетельница великих потрясений. СПб., 1998. С. 296–297, прим. 10.

⁴ Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925. С. 33.

⁵ Кирилл Владимирович, великий князь. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 248, 253.

⁶ Новое время. 1915. 9 мая.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 655. Оп. 1. Д. 74.

⁸ *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 98.

⁹ ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 107, 181, 219, 328, 375.

¹⁰ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 471. Л. 13.

¹¹ *Толстой И.И.* Дневник 1906–1916. СПб., 1997. С. 540–541.

¹² Речь. 1915. 28 апреля.

¹³ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 472. Л. 62.

¹⁴ *Величенко М.Н., Миролюбова Г.А.* Дворец великого князя Владимира Александровича. СПб., 1997. С. 172.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 544–546, 548, 550–569, 573–576, 579.

¹⁶ Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича. С. 81.

¹⁷ *Буранов Ю., Хрусталева В.* Гибель императорского дома 1917–1919 гг. М., 1992. С. 9–11; *Дякин В.С.* Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопросы истории. 1982. № 3. С. 78–79.

¹⁸ *Буранов Ю., Хрусталева В.* Гибель императорского дома. С. 12.

¹⁹ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 206–208.

²⁰ Как хоронили Распутина. За великокняжескими кулисами. Б. м., б. г. С. 12–13. В книге *Ю. Буранова и В. Хрусталева* «Гибель императорского дома...» поместьями Дмитрия Павловича названы Усово и Ильинское (с. 13).

²¹ *Буранов Ю., Хрусталева В.* Гибель императорского дома. С. 13.

²² *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 207.

²³ *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 201–202.

²⁴ ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 3059. Л. 1.

²⁵ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 874. Л. 11–13, 16, 18, 22, 40, 59 и др.

²⁶ Там же. Л. 30.

²⁷ Там же. Л. 55.

²⁸ Петроградский листок. 1917. 20 февраля.

²⁹ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 874. Л. 93; Петроградский листок. 1917. 10 марта.

³⁰ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 874. Л. 101, 102.

³¹ ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 993. Л. 2.

³² РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 874. Л. 103, 104.

³³ Там же. Л. 105–107.

³⁴ Там же. Л. 108, 109.

³⁵ Там же. Л. 123, 194, 201.

³⁶ *Величенко М.Н., Миролюбова Г.А.* Дворец великого князя Владимира Александровича. С. 175.

³⁷ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 874. Л. 170, 182.

³⁸ Там же. Д. 1927. Л. 36–36 об.

³⁹ *Величенко М.Н., Миролюбова Г.А.* Дворец великого князя Владимира Александровича. С. 175.

⁴⁰ *Klarke W.* *Der verschollene Zahrenschatz. Auf den Spuren des Romanow-Vermögens.* 1995. S. 232. Благодарим В.В. Скурлова, предоставившего нам материалы из этой книги.

⁴¹ Временник театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. 1918. Вып. 1. С. 32, 42, 44; 1919. Вып. 2. С. 4, 11, 28, 62, 63.

⁴² *Шилов Ф.Г.* Записки старого книжника // *Мартынов П.Н.* Полвека в мире книг. М., 1990. С. 184–185.

⁴³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 146. Л. 163–163 об.

Э. Фогт

Автобиография архитектора Карла Эмиля Михаэля Шмидта (Carl Emil Michael Schmidt, 1866–1945)

Имя архитектора Карла Шмидта (1866–1945) постепенно возвращается в сознание общественности его родного города Санкт-Петербурга. Разумеется, историкам архитектуры и искусства знакомо это имя, даже известны здания, которые он проектировал и возводил. Большинство его творений пережило время. В годы после Первой мировой войны память об иностранных зодчих все больше предавалась забвению. Поэтому необходимо донести до общественности и в первую очередь до специалистов и другие малоизвестные постройки Карла Шмидта. Не очень давно в Санкт-Петербурге вышел в свет большой труд «Петербург немецких архитекторов от барокко до авангарда» Бориса Кирикова и Маргариты Штиглиц, в котором упомянуты 374 немецких архитектора, строивших северную столицу России с момента ее основания. В этой книге Карлу Шмидту отводится достойное место. Я горжусь этим и очень благодарна авторам. Тем не менее предстоит еще воздать должное многогранному творчеству и труду архи-